

Шемякина О.Д., к.и.н.

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: ТИПЫ
ГРАНИЦ И МНОГООБРАЗИЕ «МЫ»**

Готовность к восприятию многообразия мира зависит от исторического опыта взаимодействия народов с соседями как внешними, так и внутренними. Граница разделяла и объединяла, формировала на протяжении многих веков характер взаимодействия с чуждыми, но не обязательно враждебными культурами. В цивилизационном опыте России существовал тип границы, отличной от современного понимания границы как некоего природного или искусственного рубежа (река, горный хребет, полоса укреплений), отделяющих «своих» от «чужих»¹. В «условиях сибирских или южнорусских степей определить границы подобным образом часто было просто невозможно. Рубежами, пограничьем, растущей России в XVI веке служили огромные пространства Дикого поля и Сибири»². Но был и другой тип границы в истории России, отличный от пограничности как смежности без границ. «Пограничность с четкими границами к Западу (Северо-Западу) это такое положение, когда с обеих сторон границы находятся однородные культурные пространства и когда существует в принципе симметрия. В отличие от предыдущей ситуации (пограничности как смежности без границы к Востоку), четкость границ предполагает симметрию в том смысле, что соседи более или менее эквивалентны. Это не пространство, где можно потеряться, как в сибирской безбрежности, - все пространство «занято» в принципе эквивалентными культурами. Это значит, что с обеих сторон имеем дело с симметрическими конфронтациями, например: моряк-моряк, торговец-торговец, рыбак-рыбак, солдат-солдат, полководец-полководец, а не с разнородными конфронтациями, как, например, с одной стороны горожанин, военный, купец, священник и т.п., а с другой, кочевник, охотник, оленевод, шаман»³.

Южные границы Российской империи после кавказских войн и военных экспедиций в Среднюю Азию вплотную подошли к зоне взаимодействия между Западом и Востоком и классическим Востоком. Русские вошли в

¹ Багно, В. Е. Граница как категория культуры // Русская литература. 1995. № 3. С. 11

² Гумилев Л. Н. От Руси до России. СПб., 1992. С. 175.

³ Й. ван Баак. О границах русской культуры // Русская литература. 1995. № 3. С. 17

соприкосновение с политиями, входившими в древнейшие цивилизации Азии и имевшими глубоко отличные от европейских политические традиции. Симметрия взаимодействия была схожей с пограничностью с Западом (Северо-Западом) – и здесь и там можно обнаружить симметричные конфронтации: торговец-торговец, полководец-полководец и т.д. Но политические традиции и цементирующие эти общества ценности были настолько несхожими, что становятся понятными слова генерала Михаила Скобелева: «... тот владеет Азией, кто нещадно бьет ее по загривку и воображению»⁴. Это не просто манифестация силы победителя, а осознание силы противостоящего жизненного уклада, силы идей, положенных в основу отличной от русской глубокой культурной традиции. Так, например, какими бы гуманными целями не руководствовались завоеватели, их намерения вызывали недовольство, поскольку противоречили сложившимся формам жизни, представлениям местного населения о праве и справедливости⁵. Генерал А.К. Гейнс отмечал: «распоряжения нашего правительства, которыми сопровождалось вступление русских в каждый среднеазиатский город, относительно уничтожения пыток, телесных истязаний и смертной казни, встречались с ропотом и неудовольствием»⁶.

Понять и принять смысловое поле этих разнообразных типов коммуникаций, развертывающихся в таком неоднородном геополитическом контуре возможно на путях поиска общего духовного ядра. И это был единственный выход преодоления фрагментации, конфронтации как стратегии осмысления культурного пространства, порожденного этим контуром.

Для философа А. Дугина и выходца из простонародной крестьянской среды староверов Н. Клюева важно было постоянное подчеркивание однородности пространства Святой тайной Руси с сакральными цивилизациями

⁴ Костюхин Е. А. Русские в Средней Азии: мифы и реальность // Русская литература. 1995. № 3. С. 28

⁵ Там же С. 27

⁶ Цит. по: Костюхин Е. А. Русские в Средней Азии ... С. 27

древности – Египта, Индии, Израиля, Эфиопии и т.д.⁷ Н. Клюев, как отмечает Дугин, «погружается в особое состояние, в особый мир, где прошлое, настоящее и будущее пребывают одновременно, где близкое и далекое меняются местами, где умершие и живые соседствуют друг с другом в Вечном Настоящем и ведут между собой глубокие беседы – с мифами, с природой, оживленной пронзительными лучами духа, со знакомыми и незнакомыми предметами. У древних евреев эта реальность называлась «Меркаба» или «страна колесницы». В нее погружались и ее описывали ветхозаветные пророки Иезекииль, Исая, Илия, Елисей и т. д. В исламе этот мир называется «Хуркалья», это «алам-аль-митал», «пространство воображения», некая промежуточная инстанция между миром людей и миром богов. Аналоги этого пророческого культа можно найти практически во всех традициях и религиях»⁸.

Поиски Клюева священной прародины человека, магической страны истока рождает совершенно особый национализм – он универсален и трансцендентен, Клюев с нежностью и ощущением внутреннего родства описывает негров, татар, египтян⁹. Поэт и философ очень близки, поэтому, несмотря на почти апокалиптическое погружение философа в современную историю, он с внезапной, почти детской радостью реагирует на малейшие признаки возможного единения мыслящих людей. Но это частная человеческая история, принадлежащая двум удивительным людям. А вот архитектурной манифестацией единения людей является особый город, несущий в себе особое культурное пространство. «Средокрестием импульсов «Скандовизантии» и «Славотюркики» в новое время выступает Санкт-Петербург ... Главный храм Петербурга, Петропавловский собор, к началу XX века оказался внутри почти «равностороннего треугольника» храмов остальных мировых религий: мечеть,

⁷ Дугин А.Г. Тамплиеры Пролетариата (национал-большевизм и инициация). Москва: Арктогея, 1997. С. 258

⁸ Там же С. 258

⁹ Там же С. 262

синагога, дацан манифестировали континентальную всеконфессиональность северной столицы России»¹⁰.

И еще на одном аспекте разнообразия стоит остановиться. На множественности «мы» - разнообразии типологически схожих социальных институтов, появившихся в результате социальных инициатив, осваивающих пространство.

Институты, появившиеся в результате добровольного сплочения (промысловые и крестьянские братства, военные и религиозные братства и т.д.) были заряжены импульсом движения, истоком которого было сочетание значимости индивидуального начала (лояльность к незнакомцу, чужаку, и возможность при выполнении определенных условий принятия его в братство) и коллективного начала (значимость выборности и соблюдения устава). Самоуправление, основанное на объединении человеческих ресурсов, знаний, капиталов, общности идей рождало человека,двигающего фронт и осваивающего новые пространства, а социальные матрицы объединения, появившиеся еще в древнерусский период, понятные и усвоенные, создавали условия для множественности появления этих институтов¹¹. Подобные матрицы стали опорой и для православных, ушедших в раскол и лишившихся священства в результате никонианских реформ.

В контексте рассматриваемой нами темы эта множественность добровольных объединений интересна с точки зрения влияния пространства на снятие напряжения в социальных инициативах. «Как отмечал еще В. О. Ключевский, особенность русской истории — в непрекращающемся росте, расширении ее государственной территории. В отличие от большинства государств как в Европе, так и в Азии, сравнительно рано стабилизировавших внешние границы своих территорий, а затем наращивавших плотность сети

¹⁰ Лебедев Г.С. "Скандовизантия" и "Славотюркика" как культурно-географические факторы становления Руси // Русская литература. 1995. № 3. С. 39-40

¹¹ Дорофеев Ф.А. Православные братства: генезис, эволюция, современное состояние. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006.

внутренних коммуникаций и центров, Россия в течение тысячелетней истории практически непрерывно развертывает коммуникационную сеть: в домонгольские времена главным образом в меридиональном направлении (север—юг), в послемонгольские — в широтном, с запада на восток. Этот процесс, имея в виду техническое оформление коммуникаций, не завершился даже в советское время (строительство БАМ)»¹².

Разреженность социальной ткани, обусловленная фактором большого пространства, снижала напряжение восприятия многообразия «мы» в российском социокультурном пространстве. И добровольные объединения только частный пример того, как пространство влияло на снижение роли конкуренции в социальной жизни — места для развертывания инициативы хватало всем. В Западной Европе благотворность конкуренции, включая межгрупповую конкуренцию, таких добровольных объединений как города, монастыри, гильдии и университеты¹³ отмечалась социологами как источник динамизации социальной жизни, развивающейся при периодическом доминировании тех или иных структур. Плотность социальной жизни в России существенно отличалась, но ее особенностью было то, что существовала возможность свободного включения разнообразных фронтиров в реализацию жизненных сценариев, когда социальный порядок на месте прежнего обитания оказывался нарушенным. Поясню это на примерах истории старообрядчества. Уход старообрядцев к западным границам империи, на территории, входившие в состав Речи Посполитой, или уход старообрядцев в томско-чулымскую тайгу, когда в первый год до основания скита люди тащили на себе нарты вместо лошадей, ночевали на мерзлой земле¹⁴ предполагал совершенно разную перестройку жизни, но ставил перед исследователем задачи прежде всего не

¹² Лебедев Г.С. "Скандовизантия" и "Славогюрик" ... С. 38

¹³ Хенрик Д. Самые странные в мире: Как люди Запада обрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели / Джозеф Хенрик; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2004. С. 354

¹⁴ Дутчак Е. Е. Из "Вавилона" в "Беловодье": адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX - начало XXI в.). Томск, 2007. С. 179-180

изучения конкуренции, а адаптации к новой среде обитания, рождающей множественные «мы» мира старообрядцев.

В 60-е годы XVIII века из польских пределов старообрядцев стали насильно переселять из Заднепровья в Сибирь и Алтай. Правительство Екатерины усмотрело в старообрядцах прекрасных колонистов и решило возложить на них задачу развития земледелия там, где хлеба производилось недостаточно. Земледелие пришлось осваивать в гористой местности, требовавший использования ирригационных устройств. В Забайкалье русские крестьяне воспользовались так называемыми «баргутскими канавами», древними ирригационными сооружениями, когда-то обитавших там народов¹⁵. Иноверческое и иноэтничное окружение не повлияло на сохранение старообрядцами религиозной идентичности, но чужой опыт хозяйственного освоения территории становился частью их повседневной жизни.

Без вековой привычки наблюдения за чужими, после уходы с освоенных территорий (бегства, ссылок, религиозного эскапизма, перемещения населения властью с целью решения военных и хозяйственных задач) на огромной территории России не появился бы опыт сосуществования разных с разными. В качестве примера властной инициативы приведу лишь один пример решения властью проблемы комплектования гарнизона города Тобольска в XVII веке. Начальная точка движения стрельцов русской части гарнизона Тобольска находилась так далеко, что трудно себе даже представить, как преодолевалось это расстояние – стрельцы с семьями на подводах отправлялись в Тобольск из Устюга Великого (!) и Каргополя (!)¹⁶. Преодолевая такое расстояние, они становились заложниками пространства и судеб собственных семей.

Процесс креолизации (укоренения и смешения) и адаптации доминировали над процессами конкуренции – человеческих ресурс был ограничен,

¹⁵ Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. Изд 2-е, исправленное. Барнаул: Изд-во БЮИ, 2001

¹⁶ Пузанов В.Д. Формирование гарнизона города Тобольска (конец XVI - XVII в.) // Вестник угроведения. 2014. №1 (16).

пространство огромно, было куда уйти от нарушения социального порядка и было куда перемещать людей власти. Даже тогда, когда община стремилась к изоляции, она была вынуждена адаптироваться к меняющимся условиям и заимствовать полезный опыт соседей и не провоцировать конфликты – при такой разреженности социальной жизни управление конфликтом было прежде всего делом самих людей, а не воинских команд или полиции.

Среди факторов, положительно влияющих на адаптацию и креолизацию населения важную роль сыграла консервативная роль государства, которая имела последствия для эксплуатируемых им народов. Консерваторам органически чужда была тенденция к экспроприации непосредственного производителя, к отделению его от средств производства в отличие от, например, переселенческих колоний США. Коренные народы при всех издержках сохранились, а среди русского народа вследствие ассимиляции возникли особые этнические группы наподобие креолов¹⁷.

Представляется, что создание профилей исторического опыта взаимодействия народов Евразии может быть полезным для понимания пределов восприятия «другого» и формирования возможностей создания условий для полноценного диалога.

¹⁷ Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Москва: Аспект Пресс, 2005. С 293-294